
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Научная статья

УДК 398.21 + 398.4 + 398.5

DOI: 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

Русская сказка «Царевна-лягушка» в Сибири: трансформация сюжета и образов

М. В. Рейли

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Русские сказки Сибири на сюжет «Царевна-лягушка» отличаются ярко выраженным своеобразием и генетически соотносятся с мифами и сказками как славянских, так и сибирских народов, где лягушка выступает основой мироздания и семантически связана с женскими предками-прародительницами. Героиня предстает в облике лягушки, старушки, водяной девицы. Она повелевает «ветрами буйными», водой и небесным огнем, где ветер – стихия, связующая «этот» и «иной» мир, а вода и огонь – мощные трансформирующие силы. Героиня окончательно приобретает человеческое обличье через замужество, сохранив свои магические свойства и принеся благосостояние и процветание в семью мужа.

Ключевые слова

народы Сибири, русская сказка, мифология, лягушка, сюжет

Для цитирования

Рейли М. В. Русская сказка «Царевна-лягушка» в Сибири: трансформация сюжета и образов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 23–33. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

The Russian fairy tale “The Frog Princess” in Siberia: transformation of the plot and characters

M. V. Reili

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia*

Abstract

Siberian variants of the Russian fairy tale “Tsarevna-lyagushka” (“The Frog Princess”) exhibit a profound distinctiveness, genetically linked to the myths and folklore of both Slavic and indigenous Siberian peoples. In these regional traditions, the frog, belonging to the ancestral realm of Yagishen, serves as a foundational element of the universe and is semantically associated with female primordial ancestors. The heroine appears in various guises, a frog, an old woman, or a “water maiden,” representing a zoomorphic or elderly state that is often temporary, resulting from a curse or a pre-transformative trial. She commands “wild winds,” water, and celestial fire, where the wind acts as a mediator between the profane and sacred worlds, while water and fire serve as potent transformative forces. The interaction between the three cosmic zones (upper, middle, and lower worlds) is reflected in her ability to shapeshift into a spindle, a snake, or a bird. Through a journey to the “otherworld” and the ritual burning of her animal skin, the hero and heroine undergo a profound social and age-based initiation. Ultimately, the heroine acquires a permanent human form through marriage. By preserving her magical properties, she brings prosperity and abundance to her husband’s family. This study highlights how the Siberian landscape and contact with local mythological systems have enriched the classical plot with archaic, world-building motifs.

Keywords

Siberian peoples, Russian fairy tales, mythology, frog, plot

© М. В. Рейли, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

For citation

Reili M. V. Russkaya skazka “Tsarevna-lyagushka” v Sibiri: transformatsiya syuzheta i obrazov [The Russian fairy tale “The Frog Princess” in Siberia: transformation of the plot and characters]. *Yazyki i Fol’klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 23–33. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

Введение

Сюжет «Царевна-лягушка» [СУС 1979: 127–128] в русской традиции, благодаря влиянию лубочных изданий (см., например: [Исаев 1859]), представлен в довольно стабильной форме. Русские сказки Сибири на сюжет «Царевна-лягушка» соотносятся с мифами и сказками народов, где лягушка выступает основой мироздания и семантически связана с женскими предками-прародительницами. Нас интересует то, как трансформируются сюжет и основные персонажи сказок, взятых методом сплошной выборки из сборников А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, А. В. Адрианова, А. В. Гуревича и Л. Е. Элиасова, Е. И. Шастиной¹, на сибирской почве с опорой на уже имеющиеся исследования данного сюжета В. Я. Проппа [Пропп 1976, 1986], В. П. Аникина [Аникин 1959, 1966], К. Е. Кореповой [Корепова 1980, 1999], В. П. Федоровой [Федорова 2005], М. В. Рейли [Рейли 2018] и др.

Основная часть

В рассматриваемом материале большая часть сказок возводится к лубочным изданиям XVIII–XIX вв. Это касается в первую очередь уральской версии сказки ранней записи [Курган.: Афанасьев 1985: № 267]², зафиксированной краеведом Шадринского у. А. Н. Зыряновым в 1850 г.³ Мы видим здесь классическую версию текста с соблюдением всей сказочной обрядности: три брата пускают стрелы из лука; младший из них находит свою стрелу на болоте в лапах у лягушки; он вынужден жениться на ней; она лучше всех выполняет поручения царя (шьет, ткёт, печет, пляшет) и превращается в царевну; муж сжигает ее шкуру; царевна исчезает; муж находит исчезнувшую жену; Елена Прекрасная оборачивается веретеном; Иван-царевич ломает веретено и возвращает жене человеческий облик (ср.: [СУС 1979: 127–128]).

Еще одним из наиболее полных сибирских вариантов сказки, близким классическому, является опубликованный Е. И. Шастиной вариант Т. П. Дуловой, записанный в 1969–1970 гг. [Шастина 1971: № 26], но, судя по лексике, он также испытал влияние лубочной литературы. Сюжет контаминированный: «Царевна-лягушка» (СУС 402), «Муж ищет исчезнувшую жену» (СУС 400), «Кошечья смерть в яйце» (СУС 302), «Бегство от ведьмы» (СУС 313 Н*).

Но здесь есть несколько любопытных деталей. Во-первых, после вынужденной женитьбы на лягушке отец, кроме традиционных задач: испечь пирог, наткать полотна, – дает невесткам вполне «мужское» задание: «построить мосты хрустальные от теремов своих и до моего дворца». Младшая невестка с помощью «слуг» успешно справляется с этой задачей. Кроме того, здесь ей приписываются и богатырские свойства. Так, она спит «крепким богатырским сном» [Лена: Шастина: № 26]. Во-вторых, после того как лягушачья шкурка сожжена, а жена исчезла, герой отправляется в долгий путь на ее поиски, где встречает три избушки «на курьих ножках, на бараньих рожках», в которых живут сестры – древние Яги-Ягишны. Они последовательно дарят ему путеводный клубочек, платочек (море), а третья, «старая-то-престарая старуха, дак аж мохом обросла», кроме «кремешка» (гора) да «чикала», владеет информацией: «...она говорит ему: “Твоя красавица у змея в руках. Он сосет ее белые груди”», что является одним из способов высасывания жизненной силы. Кроме того, яга знает, «в какие часы туда идти и в какие секунды идти» [Лена: Шастина: № 26], то есть она, по-видимому, находится со змеем в довольно тесном контакте.

Наибольшее многообразие устных версий сюжета демонстрирует Уральский регион.

¹ Всего 8 текстов: **Сибирь**: Енисей: Адрианов: № 7; Лена: Шастина: № 26; Прибайкалье: Гуревич, т. 1: № 38; **Урал**: Курган.: Аф., № 267; Перм.: Зеленин: №№ 19, 28, 396, 105.

² В ссылках на источники указывается номер текста, если он имеется.

³ Исследователи возводят к лубочному варианту Петра Тимофеева 1787 года издания.

В сказке «Про лягушку-кв́акушку» (или: *кв́аковку*) из сборника Зеленина [*Перм.*: Зеленин: № 396]⁴, когда Иван-царевич сжигает «легущечье платье», героиня объявляет: «Я Весилиска Премудрая» и уходит. «Иван-царевич схватил ее на горе, но та обернулась змеей и убежала». Тема поисков исчезнувшей жены осложняется здесь мотивом чудесной птицы, детей которой спасает во время дождя Иван-царевич (ср. СУС 301 А, В «Три подземных царства»). В награду за этот поступок птица помогает герою достать сундук, в котором находится утка, а в утке яйцо. Обычно в этом яйце находится смерть Кощея, похитителя жены героя, но здесь оно нужно для того, чтобы Василиска Премудрая его съела и вспомнила своего мужа⁵ [*Перм.*: Зеленин 1997: № 396]. Здесь снова проявляется генетическая связь героини со змеиным началом.

В одном из вариантов Зеленина [*Перм.*: Зеленин 1997: № 19]⁶ образ волшебной лягушки трансформируется в более «реалистический» (возможно, и *архетипический*) образ жены-старушки, также обладающей магическими знаниями, что вновь отсылает нас к лубочным вариантам сказки [Исаев 1859; ср.: Кассиров 1895]. Здесь стрела Ивана-царевича попадает в руки старушки, живущей на болоте. «Иван-царевич и думат: “Неужели мне таку старуху замуж доводицца брать?” А старушка отвечает: “Да, Иван-царевич, видно тебе доводицца старушку взять!”». Далее следует совершенно бытовой этнографический момент: «Старушка в голбец спушшалась, достала яиц и сметаны, набила яиц, чирлу́ (вроде яишницы, на сковороде зажарят, без хлеба) исправила. Накормила и говорит: “Иван-царевич, не опасайся! Я ведь на времё старушка: день я старая, а к ноче молодая живу́.” ... Она перебрóсила с руки на́ руки кольца и исправи́лась такая *фрэйлина*, што в городе нет...». Далее следует традиционное задание снохам: испечь хлеб, сшить по рубашке и явиться на пир. Невестки посылают служанку посмотреть, как старушка будет печь хлеб: «“...она постарше нас, лúчнее испекёт хлеб”». И тут проявляется магическая природа образа главной героини – сила слова. Она приносит холодной воды, «налила в квáшню, потом муку – не сеяла, ничевó – бух в квáшню, размешала в притвóр. Отслони́ла за-слóнку, по всей пече разлила и говорит: “*Испекись штобы мой хлеб бёлой и ры́хлой и скúсен! Поутру́ штобы был готов!*” (А печь не затопляла, в холодную печь разлила)». Полотно на шитье рубахи старуха «изорвала́ все в лéнточки, на всякие клинышки. Сказала старуха: “*Подымитесь, ветры буйные, и унесите все кли́ны по белому свету... А предоставьте по утра́ рубашку, штобы рубашка была готова!*”» В результате заклинательных слов и хлеб, и рубашка превосходят представленные другими невестками. Здесь прослеживается власть старухи над огнем домашнего очага и воздушной стихией, что свойственно многим другим мифологическим персонажам. Соответственно, то, что удастся ей, не удастся снохам. Далее на пиру у царя она мясо ест, а кости «ошлагí» кладет. Начали «хлеботню́» хлебать, что не дохлебнет, то за «ошлага́» льет. Героиня выступает в роли демиурга, когда, взмахнув рукавами, создает у свекра сад с прудом и с судном, на котором бы они «поплавали, поката́лись». Иван-царевич бросает ее волшебный перстень в море, и «нечистой дух» «хватает его и уносит в тридевятое государство». Старушка сокрушается, что теперь вынуждена покинуть Ивана-царевича, но он произносит: «Во мне богатýрская есь сила! Я могу́ тебя розыскать...». Стару́шка *удáряется* о крыльцо, делается голубихой и улетает «к чудóвишшу морскому в тридевятое государство», то есть снова ко змею. Иван отправляется на поиски, в «диком лесу» находит избушку, где живет старушка. Выясняется, что она тетка жены героя. Она говорит, что если у него есть *сила*, то у нее есть меч, который «нужно только поднять, да махнуть им – так всех заметёт». С помощью меча герой побеждает «чудовишшо с богатырями и с «силой», спасает свою невесту. Они приезжают к тётке, благодарят ее и приглашают в гости «в русское государство» [*Перм.*: Зеленин 1997: № 19]⁷. Здесь герой осознает наличие у себя собственной *силы* или *маны*.

Оригинален сюжет сказки, записанной Л. Е. Элиасовым со слов г. В. Лысцева, с. Б. Уро Баргузинского аймака в 1936 г. [*Прибайкалье*: Гуревич, Элиасов 1939: № 38]. У царя три сына достигли «возраста совершенных лет», царь им сказал, что нужно идти в мастерскую и заказать три стрелы. Братья собираются ехать метать стрелы. И тут появляется мотив беспробудного сна: «а

⁴ Вариант сказки Ломтева [*Перм.*: Зеленин: № 19].

⁵ Следует отметить, что мотив связи поедания яйца или яичницы с памятью о супруге часто встречается и в других сюжетах, и в других регионах.

⁶ Ср.: *Арх.*: Карнаухова, № 65; *Олон.*: Коргуев, № 7; Карнаухова, Левина, 2011, № 6.

⁷ Ср.: *Арх.*: Карнаухова, № 65; *Олон.*: Коргуев, № 7; Карнаухова, Левина, 2011, № 6.

Ваня залез на голбец и спит беспробудным богатырским сном». Отец велит разбудить его, но братьям не удается. И тогда они приглашают себе на помощь *прачку*: «Они к ней с большой *нискостью*: “Вот что, старушка, нам нужно разбудить Ваню и никак не можем, будьте добры, помогите”. Прачка пошла на кухню и принесла оттуда большое гусиное перо... ..быстро взошла на голбец, втокнула перо в правую ноздрю и стала там потихонько щекотать ⁸. Тогда Ваня быстро *оприскнул* и пробудился, и сказал: “Эх, как долго спал, да чуть не проспал”». Когда наступает очередь метнуть стрелу Ване, он долго стоит неподвижно. На вопрос братьев о причине промедления он им говорит: “Вон, видите, несет черное облако, вот в него и метну”. ...Пока они тут шутили, незаметно наплыло облако. Ваня сразу пустил стрелу». На недоумение братьев: “Зачем Ваня пустил стрелу в черное облако”, Ваня выдает им сентенцию, восходящую, скорее всего, к древним формам брака: “Если нужно найти добрую невесту, то нужно с кем-нибудь биться”». Когда братья отправляются на поиски своих стрел, Ваня отказывается от предложения отца взять «лошадей с легкой каретой» и отправляется на поиски пешком. «Идет он в чистое поле, в широкое раздолье и видит круглое болото, где лазоревы цветы цветут. ...Сидит на кочке лягушка и держит его стрелу. Он сразу возмутился и сказал: “Зачем ты, проклятая лягушка, взяла мою стрелу?..” А лягушка ему вскочила на грудь: “Ой, Ваня, я тебя так сильно люблю!” Но Ваня ... не мог от нее отвязаться». Отец на рассказ Ивана отвечает: «Ну, что же сделаешь, коли так показано богом, женись на ней». Царь дает невесткам задание «соткать настольник». Иван «к своей проклятой лягушке ... подходит до болота и видит, что лягушка сидит на той же самой кочке и улыбается, что Ваня пришел с такой досадой». Иван рассказывает о задании отца. Лягушка велит ему «молиться Спасу и ложиться спать». А сама «стала рвать этот ситец на тонкие ленточки», а потом сказала: «“Ветер буйный, поднимайся со всех четырех сторон и отлей мне настольник золотом и чтобы был в середине восход луны”». Когда Иван просыпается, лягушка подает ему свой подарок и велит нести своему отцу. Далее снова возникает намек на иномирность героини. Когда Иван взял этот подарок, «его сразу *позвало на землю*. “Что ты там, лягушка, набуранила”, – воскликнул Ваня. ... “Вернись, Ваня, мне тебя надо”». Лягушка дает ему выпить «две сотых сильной воды» и предупреждает, чтобы он опасался своих братьев, и советует ему взять для обороны «большую кобылину, на которой пилят лес». Братья, действительно, хотят напасть на него, но пугаются «кобылины». Конец сказки, к сожалению, сказителем забыт.

Здесь любопытны мотивы беспробудного сна на *гольце* – сна, подобного смерти; и провидческое знание лягушки, а также ее владение *сильной водой*; и мотив появления *старушки-прачки*, которая единственная может разбудить героя от смертного сна с помощью гусиного пера. Так, *Белая прачка* является шотландской фэйри, похожей на банши, которая рассматривается как предзнаменование смерти и посланец из иного мира. Сведения о наличии подобного образа в мифологии сибирских народов нам не встретились.

Но сибирский материал дает и другие сведения. Почитание лягушки является одним из самых распространенных культов, в частности, у сургутских хантов. В этой связи В. В. Карчина рассматривает две сказки сургутских ханты, записанные в 1990-х гг. на р. Большой Юган, «Лягушка» [Чепреги 2015: 106–114] и «Как лягушка человека икрой накормила» [Карчина 2020: ПМА] ⁹, которые в общих чертах напоминают русскую.

В зачине сказок говорится о небесном царе, у которого было три сына. Однажды он им говорит: «“Взрослые вы уже, пора вам жениться. Возьмите лук и стрелы и выстрелите. Чья стрела куда упадет, оттуда невесту и берите”» [Чепреги 2015: 106]. Лягушка в обеих сказках превращается в очень красивую девушку, а после сожжения лягушачьей шкурки оборачивается белой лебедью и улетает. При этом в обеих сказках шкурку лягушки сжигает мать, что влечет за собой наказание, так как она теряет впоследствии не только невестку, но и своего младшего сына.

⁸ Это один из способов вызвать первый крик новорожденного в том случае, если он не возникает естественным путем.

⁹ Записана от Покачевской Ю. Ф.

В первой сказке главный герой – младший сын кидается на поиски невесты, обходит трех тетушек (=ягишен), и самая младшая помогает ему поймать лебедушку. Во второй сказке помощь оказывает дядюшка лягушки, то есть родственник по мужской линии¹⁰. При этом, в отличие от русских сказок, главные герои в обоих текстах вступают друг с другом в борьбу: «На следующий день, откуда ни возьмись, лебедушка опускаться стала. В дом вошла. Только собралась уходить, мужчина ее поймал. Сцепились они с женщиной. Женщина его на пол бросает, он сразу вскакивает. Затем мужчина женщину на пол кидает...» [Чепреги 2015: 110; ср.: *Прибайкалье*: Гуревич, Элиасов 1939: № 38].

Далее в первой сказке после возвращения домой старшие братья и родители учиняют им новые испытания. Так, по навету старшего брата, царь небесный дает младшему сыну задание: «Давным-давно была у моего отца цитра и скрипка. Когда скончался он, вместе с ним я их похоронил. Сходи туда, отыщи их» [Чепреги 2015: 110]. Второе задание – привезти «песни поющую деревяшку, сказки сказывающую деревяшку». Помогает ему при этом жена. Она дает ему волшебные предметы – нитки и дощечку. Верхом на куске дощечки и мотке ниток он добирается до *нижнего мира*: «Прыгнул в провал в земле. Летит, летит и вот в светлое место упал. В мир, где день белый есть, упал» [Чепреги 2015: 111]. Там он попадает в домик, где живут «старенькие муж с женой огромного размера». Старик помогает ему добыть волшебные музыкальные инструменты. Когда главный герой приходит во второй раз, старик предупреждает его о людоедской природе людей нижнего мира: «“Не являйся впредь. Коль в третий раз сюда явишься, съедят тебя люди. А как домой придешь, все окна и двери каменного своего дома, железного своего дома камнем наглухо закрой. Семь ночей и дней за порог не выходите, в доме сидите”». Сделали они все, как сказал старик, а когда вышли, смотрят – нет ничего. Ни домов, ни города, ничего нет» [Чепреги 2015: 114]. Они остаются жить вдвоем. В другой сказке они остаются жить в доме у лягушки, так как не захотели возвращаться к родителям.

О связи невесты-лягушки с небесным пространством косвенно можно судить по ее вероятной связи с небесным огнем: «Однажды после свадьбы жена царя небесного среди ночи просыпается. Что за чертовщина? В доме свет сверкающий. Уж не солнце ли встало, так долго мы спали? Вышла она, темно на улице. Из дома во все стороны огонь брызжет. Вошла она, каждую комнату осмотрела. Свет огненный от комнаты младших сына и невестки идет» [Чепреги 2015: 108].

Таким образом, сюжет о царевне-лягушке у сургутских хантов является заимствованным из русского фольклора, хотя и имеет некоторые особенности, берущие свое начало в мифологии хантов, где лягушке присвоена функция оберега, хранителя семейных ценностей, защитницы от всего злого и недоброго¹¹.

Если рассмотренные нами версии сюжета можно условно считать классическими, то другие варианты носят более специфический характер. Мотив пускания стрелы здесь отсутствует, сохраняется лишь мотив самой женитьбы на лягушке [*Перм.*: Зеленин 1997: № 28; ср.: № 105]. Подобные тексты по своему содержанию и смыслу, по-видимому, гораздо ближе к мифам, нежели к сказкам.

Так, один из вариантов представляет собой пародийную версию, где герой близок к образу дурака и где отсутствует вторая традиционная часть сказки (о поисках исчезнувшей жены) [*Перм.*: Зеленин 1997, № 28]. Тридцатилетний Ипат, который «был не со всем умом», собирается вслед за своими старшими братьями жениться; Ипат делает себе бат (долбленка) из сосны и едет по болоту. На пути он встречает двух сестер-Ягишен. Избушка первой находится в глубине болота «на сухом берегу» и обозначается как «малинька избушка, с дверью землянушка», то есть

¹⁰ См. о древнем семейном устройстве под названием «авункулат», когда организацией брака занимается не отец, а дядя по материнской линии [Лиз Грюэль Апер 2011: 149].

¹¹ В якутском мифе прародительницами шаманов названы лягушки. Известно, что будущие шаманы, избранные обитателями нижнего мира, могли, в зависимости от воспитания, которое получала их жизненная суть (кут), стать добрыми или злыми. А если шаману предстояло стать особенно жестоким, птенца стегали талинками, отчего он превращался в громадную лягушку. В генеалогических легендах сосвинских хантов лягушка выступала в качестве прародительницы группы нарасмахум (болотного народа). Прародительницу-лягушку, имя которой, вероятно, было табуировано, называли «болотной женщиной», «между кочек живущей женщиной», приписывали ей способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды, устраивать браки. О большой древности культа лягушки в Западной Сибири говорит и почитание этого земноводного у обских угров.

землянка (можем предположить, что со входом в подземный мир). Дверь в избушку открывается благодаря формуле обращения: «Ипат догадался: “Избушка, избушка, стань по-старому, *как мать поставила* – к лесу задом, ко мне передом!”». Здесь, видимо, присутствует обращение к материнскому началу, уходящему корнями в матриархат. Избушка второй Яги не открывается до тех пор, пока Яга не убрала свои большие ноги: «Пушке стукнул он в дверь. Старуха ноги убрала – и приперта дверь была её большим ногами» (аномально большие ноги, очевидно, все тот же признак иномирности персонажа, имеющий укорененность в уральской или сибирской мифологии).

Первая Яга грозится Ипату съесть его, но он отвечает: «“Нет, Яга баба, подавишься! Я тебя убью, Яга баба, и кости камнем придавлю!”» [Перм.: Зеленин 1997: № 28], то есть герой собирается поступить с ней так, как обычно в сказках поступают со змеями. Яга просит Ипата сказать ей «всю правду». После обычного ритуала гостеприимства, описанного в балагурно-пародийной форме, Ипат рассказывает о своей проблеме. Яга сообщает ему об интересной альтернативе: “Там небольшая есь избушка, тут живёт моя подружка – ну, хуже меня старушка. Берегись её: она тебя съес, а то – *невесту тебе даст*”». В отношениях со второй Ягой так же возникает ряд символических моментов. Так, она печет ему пирожки “С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом”» (нечистоты в качестве пищи также связаны с представлениями об ином мире). После окормления героя пищей иного мира Яга становится его *свахой* «у лягуш»: «Она показала на лягушку: “А вот твоя и невеста. ...Она хороша бароня будет”». Яга ведет его свататься к лягушкам в глубь болота да в подземный мир: «повела дальше в камыш. На пересечку большая мышь, которая оказывается «прислугой невесты» (как мы знаем, в фольклоре мышь – существо хтоническое, медиатор между миром живых и мертвых). «Подходят к камышу. Отворяют дверь в землю. “Спускайся ты за мной!” Ипат заходит в калидор, а у лягуш большой там ‘здор. ...Заходят дальше в зало и – убраны столы белым полотном, наставлено на столах всякова бисерту, булочки на блюдах польаршина вышины. Ипат удивился: “Хто жо тут у их жто стряпат? Я сроду и не видал, такого хлеба не едал”. ...Лягушка угошчати по-русски говорит: “Кушай, Ипат, без стеснения! Надейся на меня, не погинешь”» [Перм.: Зеленин 1997: № 28]. Далее лягушка-невеста собирает подарки для своей будущей родни, и они отправляются в путь. «Жаних задумался: “Как я буду с ней жить?” ...Вдруг лягушка постояла; ... Она обернулась, в русском платье – и на свете лучше нет!». Заканчивается сказка неожиданно. После свадьбы молодая говорит: «“Поедте в гости к батюшке своему!” Только сяли оне в саночки, ипровалилася лягушка. Вот причина, отчего провалилася лягушка: а худá была долгушка¹²» [Перм.: Зеленин 1997: № 28]¹³.

Вся сказка носит подчеркнуто иронический, балагурно-рифмованный характер. Ее конец тоже звучит неожиданно для данного сюжета. Логично предположить, что, как существо хтоническое, она «провалилась», то есть вернулась под землю, где герой ее и отыскал, но рассказчик своей репликой как бы нарочито «опроцает» такой исход.

Один из вариантов, записанный в Енисейской губ. и изданный в 1902 г., напоминает русскую сказку о царевне-лягушке лишь начальным эпизодом [Енисей.: Адрианов 1902, т. 1, вып. 1: № 7]. В нем рассказывается о посещении зятем «инога мира» – лягушачьего царства. Этот вариант, скорее всего, представляет собой контаминацию русской и нерусской сказки на сходный сюжет: «Отец дает сыновьям ружья и велит им: “Поезжайте, мои дети, куда ваши глаза глядят, стреляйте туда, куда ваши пули улетят”. Третья пуля улетает «к лягушам в болото». Третий сын приезжает в болото; «стоит на берегу молоденькая девица; посадил он ее к себе и увез». После венчания молодые садятся за стол, невеста падает под стол и превращается в «лягушу». При этом сжигается не лягушачья шкурка, а «подвенечное платье», в кармане которого лежало ее *сердце*. Невеста обнаруживает пропажу, и домочадцы признаются, что сожгли платье. И тут проявляется магическая сущность невесты-лягушки: «Она соскочила, стала в огне рыться. “Кабы мне найти комочек, я бы дунула, плюнула, у меня опять доспелось бы сердце”». После этого она исчезает, а муж едет к лягушам в болото. У них «стоит дом хороший», в котором «две девицы сидят; отец лежит на печи, мать на полатях, стонут». Мать говорит: «“Погляди-ка, дитятко, как у меня об

¹² Кузов саней.

¹³ Башкирская сказка, содержащая в себе отдельные элементы сюжета 402. Сказка печатается по рукописи ААН. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 542. Л. 830–848 [Перм.: Зеленин 1997: 554].

тебе сердце изсохло”. Она взглянула вскося на полати, там висят две шкурки сухие-пресухие, и заплакала. “У меня, мама, сердечко сожгли”». Мужика начинают угощать наливкой и рыбными пирогами. Ему становится плохо, и он выбегает на улицу «блевать». Жена выходит за ним на улицу и говорит: «“Ты наливку не пей, а горько вино пей; наливку из-под себя выпускают, а горько вино покупают. Рыбны пироги они срушат, не ешь, а которы сам срежешь, те ешь”». Вдруг он взглянул под шесток, там лягушечьи шкурки висят. Он здогадался, пошел на улицу коня запрягать». Отец, мать выходят на улицу провожать: «которые ей в ноги падут, те сделаются лягушами». Мужик сажает ее на коня, и они уезжают. Оглядываются – дома уже нет. «Он у них ночевал три ночи, а вовсе три года» [Енисей.: Адрианов 1902, т. 1, вып. 1, № 7; ср.: Арх.: Рождественская 1941, № 74]. Здесь интересны мотивы наличия целого лягушачьего народа; сердца, находящегося вне тела; попытки накормить гостя пищей иного мира, которую живой человек не в состоянии усвоить (ср.: [Перм.: Зеленин 1997: № 28]). Кроме того, напрашивается аналогия со сказочным и легендарным мотивом «Беспечального монастыря», где время пребывания в ином мире проходит незаметно для героя.

Созвучна вышеуказанной башкирская сказка из сборника Д. К. Зеленина о водяной девице, у которой только одежда из лягушачьей шкуры [Перм.: Зеленин 1997: № 105]. После смерти отца младший неженатый сын видит на озере в воде девицу и женится на ней; жена оказывается трудолюбивой, в частности, очень хорошо доит коров. Муж сжигает одежду жены из лягушачьей кожи. Та, обнаружив пропажу, «как встряхнулась и полетела». Муж отправляется на поиски. Встречает двух старух. Одна его кормит, а вторая отправляет к старшей сестре, матери его жены. Третья старуха (знахарка) превращает его в иголку и втыкает ее в мох; прилетают 9 гусей и «делаются» девицами; старуха уговаривает жену помириться с мужем, взяв с нее «присягу», что та его не убьет. Дальше действие развивается уже по совершенно мифологическому сценарию. Старуха «иголку вытасшила, встряхнула, и стал человек – плохой шипко: *своробли́вой*, грязной». Жена с мужем ложатся спать раздельно. Когда муж засыпает, жена приходит, кладет его сонного на «хлебную лопату», и бросает в огонь в печь, где сжигает до золы: «Она эту золу смела, на чистой платок склала, потом встряхнула – и опять человек стал. ...А он чистой стал, много лучше, и волоса у него выросли». Здесь ее магические способности демиурга проявляются именно таким образом (ср. сюжет «Ивашка и ведьма», но здесь он доведен до логического конца). Она отпускает мужа домой, давая ему волшебный «мешок»-самотряс, но не велит ничего покупать, кроме хлеба. Муж нарушает запрет, купив на дороге «дом с хозяйством». Жена этот дом сжигает. Вернувшись домой, они на месте деревни видят землянку, в которой находят мать и брата героя, сильно постаревших. Повторяется предыдущий мотив: жена мужика сжигает все имущество и их самих и из золы «делает» молодых: «золу от них взяла в тряпку, встряхнула – и стал опять здоровой, как 17-летний молодец. Жить стали хорошо, богато» [Перм.: Зеленин 1997: № 105]. Так, женитьба на иномирном существе помогает герою осуществить полную трансформацию через сжигание в огне и приносит процветание и благополучие.

В примечании к сказке Д. К. Зеленин пишет, что «героиня – особенная мастерица доить коров, и это качество также подходило бы к лягушке, которая (точнее: жаба) по народным поверьям доит коров». Что же касается «водяной девицы», то известно только, что «от албасты (русалки) «водяная девица» отличается тем, что она добрая (албаста же – злая)» [Перм.: Зеленин 1997: 458].

Заключение

В русских сказках Сибири героиня предстает то в облике лягушки, то старушки, а то водяной девицы, но ее зооморфный (или старческий) облик – явление временное. Ее лягушачья или старушечья «одежка» – результат проклятия или попытки скрыться от преследования до обретения своей истинной силы для прохождения полной трансформации в мире людей. Изначально она принадлежит к родовому пространству Ягишен, либо к некоему *лягушачьему народу*. И те, и другие принадлежат пространству предков, куда и возвращается героиня после того, как ее муж или его мать нарушают запрет, сжигая лягушачью или старушечью «одежку». В данном сюжете ей приходится в течение дня сохранять свой животный либо старушечий облик, позволяющий ей безнаказанно находиться в мире живых в течение условного дополнительного срока, обусловленного неким «наказанием» или необходимостью скрыться от иномирного преследователя во время состояния «перехода».

В иномирье героиня обретает магические знания, которые особенно ярко проявляются во время трехкратного свадебного испытания молодухи, укорененном в крестьянском быту. Это сила слова, способность «оборачивать» и «оборачиваться», взаимодействие с ветрами, водой и огнем – мощными трансформирующими стихиями. Магический танец сотворения и другие магические свойства героини проявляются по большей части ночью, а ночь, как известно, проявляет суть всех вещей. На финальном этапе – на пиру либо при других обстоятельствах – у нее проявляются способности демиурга, когда она создает из «праха» (костей и опивок) воды (реки, пруды, озера), леса (луга, сады) и птиц, либо возрождает в буквальном смысле из пепла улучшенную версию своего супруга и его домочадцев.

Что касается трансформации образов в данном сюжете, то мы видим, что героиня способна оборачиваться веретеном, змеей, птицей («голубихой», гусем и др.), а также прекрасной девушкой, что говорит о взаимопроницаемости и взаимодействии трех пространств – верхнего, нижнего и срединного миров.

Герой также может пережить полную трансформацию через путешествие в иной мир или сожжение в результате магических действий своей иномирной супруги.

В конечном итоге героиня с помощью замужества, пройдя социовозрастную инициацию и изменив свой статус, окончательно обретает человеческое обличье, сохраняет свои магические свойства и приносит благосостояние и процветание в семью мужа.

Следует также отметить, что ряд сибирских текстов коррелирует с материалами сборников по Архангельской области и Олонецкой губернии (см. сноски).

Список сокращений

- Арх.* – Архангельская губерния
Енисей. – Енисейская губерния
Лена – район реки Лены
Курган. – Курганская область
Олон. – Олонецкая губерния
Перм. – Пермская губерния
СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Список источников

- Адрианов* – Записки Красноярского Подъотдела Восточно-Сибирского Отдела Императорского Географического общества. По этнографии. Т. 1. Вып. 1. Издан под ред. А. В. Адрианова. Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1902. 200 с.
- Афанасьев* – Народные русские сказки Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. 464 с.
- Гуревич, Элиасов* – Старый фольклор Прибайкалья. Т. 1 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ: Гос. бурят-монгольское изд-во, 1939. Т. 1. 471 с.
- Зеленин* – Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещеряжской. Сборник Д. К. Зеленина / Studiorum Slavicorum Monumenta: Т. 12. Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с.
- Исаев Ф. М.* «Сказка о Иване богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне, рассказанная Ф. М. Исаевым». М.: Типография Александра Семена, 1859. 143 с.
- Карнаухова* – Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.
- Карнаухова, Левина 2011* – Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 23–125.
- Кассиров И.* «Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне». М.: Изд-во Сытина, 1895. 107 с.
- Коргуев* – Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Кн. 1: Сказки М. М. Коргуева / Записи и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 1939. 734 с.

Рождественская – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Зап. текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: ОГИЗ, 1941. 224 с.

Чепреги – Сказки и рассказы сургутских ханты [Текст]: фольклорный сборник / Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разработ.; [авт., сост. Марта Чепреги; пер. на рус. яз.: Т. А. Ефремова и А. С. Песикова]. Ханты-Мансийск: Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разработ., 2015. 118 с.

Шастина – Шастина Е. И. Сказки Ленских берегов. Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд-во, 1971. 168 с.

Список литературы

Аникин В. П. Волшебная сказка «Царевна-лягушка» // Фольклор как искусство слова. [Сб. статей]. [Вып. 1] / Отв. ред. Н. И. Кравцов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 170 с.

Аникин В. П. Волшебные сказки // Аникин В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. 256 с.

Карчина В. В. Образ лягушки в хантыйских сказках // Конструктивный потенциал современных гуманитарных и социально-экономических наук: проблемы наращивания и реализации: материалы Международной науч.-практ. конф. (г. Белгород, 24 июня 2020 г. Секция: «Искусствоведение и культурология») / под ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: Эпицентр, 2020. С. 26–30.

Корепова К. Е. «Царевна-лягушка» (СУС 402) // *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Нижний Новгород: ООО Издательств «КиТиздат», 1999. С. 111–130.

Корепова К. Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Межвуз. сб. / Отв. ред. Г. В. Москвичева. Горький: Изд-во ГГУ, 1980. С. 97–112.

Лиз Грюэль Апер. «Культурная героиня» // Русский фольклор. Т. 34. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2011. С. 142–158.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 367 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 330 с. (Серия: «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

Рейли М. В. «Престрашная, прегрозная лягуха» русских волшебных сказок // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова (Из истории русской фольклористики. Вып. 10) / Отв. ред. М. Н. Власова, Т. С. Канева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 239–258.

Федорова В. П. Сказка «Царевна-лягушка»: От тотема до литературного символа // Сто сказок Южного Урала. Учебное пособие. Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. С. 10–28.

References

Anikin V. P. Volshebnyaya skazka “Tsarevna-lyagushka” [The fairy tale “The Frog Princess”]. In *Fol’klor kak iskusstvo slova. Sb. statey* [Folklore as the Art of Words. Coll. of articles]. N. I. Kravtsov (Ed.). Moscow, MSU, 1966, iss. 1, 170 p. (In Russian)

Anikin V. P. Volshebnye skazki [Fairy tales]. In Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka: posobie dlya uchiteley* [Russian folk tales: a guide for teachers]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 95–186. (In Russian)

Fedorova V. P. Skazka “Tsarevna-lyagushka”: Ot totema do literaturnogo simvola [The fairy tale “The Frog Princess”: From a totem to a literary symbol]. In *Sto skazok Yuzhnogo Urala. Uchebnoe posobie* [One hundred tales of the Southern Urals. Textbook]. Kurgan, Kurgan State Univ., 2005, pp. 10–28. (In Russian)

Karchina V. V. Obrab lyagushki v khantyyskikh skazkakh [The image of the frog in Khanty fairy tales]. In *Konstruktivnyy potentsial sovremennykh gumanitarnykh i sotsial’no-ekonomicheskikh nauk: problemy narashchivaniya i realizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. (g. Belgorod, 24 iyunya 2020 g. Sektsiya: “Iskusstvovedenie i kul’turologiya”)* [The constructive potential of modern humanities and socio-economic sciences: problems of development and implementation: proceedings

of the International sci. and pract. conf. (Belgorod, June 24, 2020. Section: “Art history and cultural studies”)]. E. P. Tkacheva (Ed.). Belgorod, Epitsentr, 2020, pp. 26–30.

Korepova K. E. “Tsarevna-lyagushka” (SUS 402) [“The Frog Princess” (SUS 402)]. In Korepova K. E. *Russkaya lubochnaya skazka* [Russian lubok fairy tales]. Nizhniy Novgorod, “KiTizdat,” 1999, pp. 111–130.

Korepova K. E. Syuzhet “Tsarevna-lyagushka” v vostochnoslavianskoy skazochnoy traditsii [The plot of “The Frog Princess” in the East Slavic fairy-tale tradition]. In *Voprosy syuzheta i kompozitsii. Mezhvuz. Sb.* [Issues of plot and composition. Interuniversity collection]. G. V. Moskvicheva (Ed.). Gor’kiy, GSU, 1980, pp. 97–112. (In Russian)

Liz Gryuehl’ Aper. “Kul’turnaya geroinya” [“The cultural heroine”]. In *Russkiy fol’klor* [Russian Folklore]. St. Petersburg, Nauka, 2011, vol. 34: Materialy i issledovaniya [Materials and research], pp. 142–158. (In Russian)

Propp V. Ya. *Fol’klor i deystvitel’nost’: Izbrannye stat’i* [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 330 p. [Series: “Issledovaniya po fol’kloru i mifologii Vostoka” [Studies on folklore and mythology of the East”]. (In Russian)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad, LSU, 1986, 367 p. (In Russian)

Reili M. V. “Prestrashnaya, peregroznaya lyagukha” russkikh volshebnykh skazok [“The terrifying, dreadful frog” in Russian fairy tales]. In *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoy narodnoy kul’tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova (Iz istorii russkoy fol’kloristiki. Vyp. 10)* [Modern methods and approaches in the study of traditional folk culture: In honor of the anniversary of Yuri Alexandrovich Novikov (From the History of Russian Folklore Studies. Iss. 10)]. M. N. Vlasova, T. S. Kaneva (Eds.). St. Petersburg, Svoe izdatel’stvo, 2018, pp. 239–258. (In Russian)

List of sources

Chepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty (Tekst): fol’klornyy sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty (Text): folklore collection]. Marta Chepregi (Comp.), T. A. Efremova and A. S. Pesikova (Eds.). Khanty-Mansiysk, Obsko-ugorskiy in-t prikladnykh issled. i razrab., 2015, 118 p. (In Russian)

Isaev F. M. “Skazka o Ivane bogatyre, o prekrasnoy supruge ego Svetlane i o zlom volshebнике Karachune, rasskazannaya F. M. Isaevym” [The tale of Ivan the hero, his beautiful wife Svetlana and the evil wizard Karachun, told by F. M. Isaev] Moscow, Tip. Aleksandra Semena, 1859, 143 p. (In Russian)

Kassirov I. “Skazka ob Ivane-bogatyre, o prekrasnoy supruge ego Svetlane i zlom volshebнике Karachune” [The Tale of Ivan the bogatyr, his beautiful wife Svetlana, and the evil sorcerer Karachun]. Moscow, Izd. Sytina, 1895, 107 p. (In Russian)

Narodnye russkie skazki Afanas’eva: v 3 t. [Russian folk tales by Afanasyev: in 3 vols.]. L. G. Barag, N. V. Novikov (Eds.). Moscow, Nauka, 1985, vol. 2, 464 p. (In Russian)

Neizdannyye materialy ekspeditsiy na Russkiy Sever 1926–1928 gg.: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskiy fol’klor [Unpublished materials from expeditions to the Russian North, 1926–1928: Tales. Legends. Folktales. Children’s folklore]. M. N. Vlasova (Intr. art., comp. and comm.). St. Petersburg, Izd. “Pushkinskiy Dom”, 2011, pp. 23–125. (In Russian)

Shastina E. I. *Skazki Lenskix beregov* [Folktales of the Lena river banks]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1971, 168 p. (In Russian)

Skazki i predaniya Severnogo kraya [Tales and legends of the Northern region]. I. V. Karnaukhova (Notes, intr. art., comm.). Moscow, Leningrad, Academia, 1934, 446 p. (In Russian)

Skazki Karel’skogo Belomor’ya. T. 1. Kn. 1: Skazki M. M. Korgueva [Tales of the Karelian White Sea. Vol. 1. Bk. 1: Tales by M. M. Korguev]. Petrozavodsk, Karel’skoe gos. izd., 1939, 734 p. (In Russian)

Skazy i skazki Belomor’ya i Pinezh’ya [Tales and fairy tales of the White Sea and Pinega]. N. I. Rozhdestvenskaya (Intr. art. and comm.). Arkhangelsk, OGIZ, 1941, 224 p. (In Russian)

Staryy fol’klor Pribaykal’ya [Old folklore of the Baikal region]. A. V. Gurevich (Intr. art. and notes). Ulan-Ude, Gos. Buryat-Mongol. izd., 1939, vol. 1, 471 p. (In Russian)

Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of the Perm province. With the

application of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak. Collection of D. K. Zelenin]. T. G. Ivanov (Comp.). St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1997, 584 p. (Studiorum Slavicorum Monumenta: vol. 12). (In Russian)

Zapiski Krasnoyarskogo Pod"otdela Vostochno-Sibirskogo Otdela Imp. Geograficheskogo obshchestva. Po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk Sub-Department of the East Siberian Department Imp. Geographical society. On ethnography]. A. V. Adrianov (Ed.). Krasnoyarsk, Eniseyskaya Gubernskaya Tipografiya, 1902, vol. 1, no. 1, 200 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.10.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Марина Викторовна Рейли – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Marina V. Reili – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

reimara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3223-0022>